

Н. Л. Пушкарева, А. В. Жидченко

Женское лицо авиаграда: память о повседневной жизни жительниц Жуковского в годы оттепели

Пушкарева

Наталья Львовна

д-р ист. наук,
гл. науч. сотр.,
Институт этнологии
и антропологии им.
Н. Н. Миклухо-Маклая
РАН (Москва, Россия)

Жидченко

Александр Владимирович

канд. ист. наук,
ст. науч. сотр.,
Институт этнологии
и антропологии им.
Н. Н. Миклухо-Маклая
РАН (Москва, Россия)

Финансирование

Исследование
выполнено в рамках
проекта Российского
научного фонда
№ 24-18-00212
«Женская семейная
память в России
XVIII–XXI вв.: формы
передачи, динамика
трансформаций,
социальная миссия»

Практика научно организованной устной информации участников или очевидцев событий, зафиксированной специалистами¹, или *устная история*, в последние годы заняла равноправное место в кругу источников, формирующих эмпирическую базу историко-антропологического исследования. Это касается в особенности «женских исследований» в социальной антропологии². Не секрет, что женская память в этом отношении более избирательна и своеобразна: женщины лучше мужчин запоминают и описывают детали эпизодов (вербальная эпизодическая память), быстрее заявляют о готовности вспоминать и соглашаются на сам разговор³, точнее датируют воспоминания и используют более эмоциональные термины при их описании⁴.

Признавая особую значимость женской социальной памяти для реконструкции памяти поколения⁵, мы инициировали коллективный проект «Женская семейная память в России: формы передачи, динамика трансформаций, социальная миссия», нацеленный в том числе на изучение женской памяти о периоде политической оттепели. Характерной чертой оттепельного времени было возникновение множества новых городов, которые строились вокруг крупных предприятий и научных центров, получивших позже название наукоградов. Один из них, Жуковский, по праву можно назвать *аваиаградом*, созданным для советских авиаторов и разработчиков авиационной промышленности.

В 1947 г. небольшой поселок Стаханово стал авиаградом, носящим имя основоположника современной

аэродинамики Н. Е. Жуковского, а через 60 лет (в 2007 г.) получил статус наукограда.

Первые два послевоенных десятилетия показательны и интересны с точки зрения сохранности семейной памяти — это время оценивается современными аналитиками как годы расцвета надежд и общего социального оптимизма. Позитивный настрой тогдашнего советского общества исследователи связывают с политической либерализацией, отходом от директивности, ослаблением бессмысленной всеохватывающей секретности и самоизоляции, преодолением творческого коллапса деятелями культуры, массовым жилищным строительством и, конечно, крупными ассигнованиями на науку⁶. Нам же кажется важным рассмотреть рождение социального оптимизма тех десятилетий «снизу». Чем и как запомнилось то время перемен? Как запечатлелись в памяти жизненные трудности и их преодоление, ведь акторами, творцами трансформаций были обычные люди, а в повседневном быте — обычные женщины.

Из бараков в квартиры: ранняя история авиаграда в памяти его жительниц

Был ли Жуковский «первым городом — спутником столицы»⁷ или нет, но это детище предвоенной индустриализации получило после войны отличное финансирование для строительства жилищного ансамбля в центре поселения. Градообразующее предприятие — Центральный аэрогидродинамический институт им. Н. Е. Жуковского (ЦАГИ), выросшее еще в 1935 г., — дополнил в 1947 г. Летно-исследовательский институт им. М. М. Громова (ЛИИ) — живое доказательство совмещения летных испытаний с работой ученых. Чтобы столичные ученые с семьями решились уехать из центра столицы в отдаленный пригород, здесь быстро были разбиты бульвары, выстроены кирпичные дома «дворцовой архитектуры», позже названные «сталинки», что и дает право считать Жуковский «Подмосковным Версалем авиационной науки»⁸.

За пару десятилетий, к концу оттепели, население тут выросло с 40 до 60 тыс. жителей⁹, но, как и в новосибирском Академгородке или в подмосковной Дубне, среди них были не только научные работники и технические специалисты с семьями, но и немало «простых» строителей, врачей, учителей, работников сферы обслуживания и культуры, а главное (особенность Жуковского) — масса военных. Авиация была стратегически важна для обороноспособности страны, наука в этом локусе давала работу мужчинам — инженерам, конструкторам, летчикам-испытателям, они составляли костяк ЦАГИ, ЛИИ и Научно-исследовательского института приборостроения им. В. В. Тихомирова (НИИП).

Узкую прослойку женского населения городка составляли жены выдающихся ученых. Перебираться в Жуковский они не спешили, оставаясь в московских квартирах (как часто поступали и жены ученых в Дубне), лишь временами наезжая в наукоград. Однако именно для семей летчиков-испытателей и вертушки научного состава институтов были построены (на излете сталинского ампира и уже в условиях борьбы с архитектурными излишествами) великолепные

жилые дома по ул. Маяковского. Их фасады тщательно отрисовывались главным архитектором (тоже женщиной!) Ниной Лаврик; планировки квартир были разнообразными при согласованности общего ансамбля домов и улицы¹⁰. Арочные окна, фонтаны во дворах со скульптурными группами «Читающие пионерки», а главное — гаражи. Автомобилей было мало, но у ведущих научных сотрудников ЦАГИ имелась возможность приобретать их. Строительство стадиона «Метеор» в 1955–1965 гг. для авиаторов и членов их семей велось всем городом: сотрудники ЦАГИ, их жены и дети помогали рабочим («студентов тогда приучали работать не только головой, но и руками»¹¹). От нормативов стройки порой отходили «из-за наличия деревьев на участке» — их сохраняли и сохранили¹². Квартиры в домах неоклассической постройки часто стоились с эркерами (даже на фасадах, обращенных во двор), придававшими находящимся за ними комнатам сказочный уют, его дополняли высокие потолки, дубовый паркет, центральное отопление.

Однако бо́льшую часть женского населения города в то время составляли не жители этих чудесных домов, не члены семей ученых, а занятые в сфере обслуживания (аптекариши, продавщицы, почтальонши), отчасти — срочно нанятый младший научно-технический персонал в инженерно-техническом и конструкторском блоках НИИ: «Состав женский, чертежницы. На испытаниях летных сидели. Мужики чисто техническую работу [выполняли], а малярные работы — женщины. И в “гальваничке” женщины, и в “аммиачке”. Отдел научно-технической информации... В переводческом отделе только начальники отделов мужики, остальное женщины. На АТС женщины. Кто в институте не работал — [для тех] фабрика бумажных изделий была в Жуковском»¹³. Всем этим женщинам, выполнявшим техническую, будничную работу, нужно было жить поначалу даже не в квартирах, а в комнатах домов барачного типа, пока возводились (с середины 1950-х довольно быстро) малоэтажные дома из силикатного кирпича. Жизнь в барачном доме, как доказывают документальные фильмы, фото и устные рассказы, была обязательным этапом почти для всех приехавших работать в Жуковский. Смена градостроительного курса — отказ от идеи «соцгорода» (частично выстроенного тут по проекту Л. А. и А. А. Весниных до войны) с коммунальными квартирами на много семей, фабриками-кухнями и общественными банями в пользу отдельных квартир для семей ученых — дала отличный импульс приросту населения. К концу 1950-х годов каждая семья (в первую очередь ученых-конструкторов) уже имела свое приватное пространство, а не пользовалась коммунальной инфраструктурой. Общались же в магазинах, на бульваре, стадионе, в Парке культуры и отдыха¹⁴.

Эпизод переезда из деревянного барака в квартиру сохранился в памяти всех поколений Жуковского — и самостоятельного населения 1950–60-х годов, и родившихся в те годы дочерей: «Мы жили через магазин в довоенных деревянных домах. Нас перевозили все жильцы нашего дома — кто стул, кто кровать, кто тумбочку тащит. На руках. Мы [потом] настолько скучали по соседям — они были как родные»¹⁵.

Ускоренное решение квартирного вопроса, остро стоявшего в СССР в послевоенные 1940–50-е годы, стимулировало переезд специалистов в сфере

летного дела именно с семьями. В памяти жуковчанок характерной чертой быта «первопоселенческого» времени стала радость от смены печного отопления газовым после 1956 г.: «В ванной почти у всех в доме стояли керосинки, а колонка — на улице, мы с улицы носили дощечки и палочки, что попадалось, [лишь] в 1963 подключили газ»¹⁶.

Несмотря на относительную доступность в Жуковском техники, облегчавшей женский домашний труд (позже, по воспоминаниям, в местные магазины приезжали и из столицы за приборами для стирки и готовки), революция в бытовой сфере здесь случилась не ранее конца 1960-х. С горячей водой было трудно, стиральные машины — даже когда их стало можно купить — были не всем доступны по цене, стирка в рассказах о прошлом выглядит как подвиг: «Быт женский был очень тяжелый, [хоть и] стиральная машинка ЗВИ появилась у нас. Как стирка закончилась — так вставляешь два валика и на пузе проворачиваешь, крахмалишь, полощешь в ванне, подсиниваешь»¹⁷. Зато женская память прочно сохранила воспоминания о тогдашнем качестве вещей, усиленные мифологемой о том, что привилегированный статус авиаторов означал и производство всех бытовых «железок» — утюгов, кастрюль, противней, плит — из специальной стали, «для своих»: «На кухне — мясорубка! Стол мог сломаться, а мясорубка нет, потому что настоящая была, наша, жуковская. Мясорубку отец купил, когда мне один год был, сейчас за 70 — а я ею пользуюсь до сих пор. Мясо тогда молоком пахло, не то, что сейчас... Но быт женский был в те годы тяжелый»¹⁸.

Матерям в незажиточных семьях часто помогали дети — и нянчиться с младшими, готовить им еду (едва старшие сами становились школьниками). Одна из рассказчиц легко вспомнила рецепт «детской смеси»: «Готовили все сами: картошку, морковку, капусту варили, растирали скалочкой, через сито пропускали, и этой смесью кормили детей. Крахмал брали как загуститель. Никакой химии, и никакого диатеза у детей не было»; «Мясорубка выручала: рыбу купила и кручу, чтоб котлеты сделать, а ребенок на руках»¹⁹. Многие, сами ставшие ныне бабушками, упоминают о краткости декретных отпусков своих мам и своем участии в воспитании братьев-сестер: «Мамы наши выходили рано на работу. Родила, два месяца посидела с ребенком, и уже — в ясли, на Малой Железнодорожной, двухэтажные»²⁰. Вспоминая о яслях и садах, респондентки противопоставляют современные прогулочные группы детсадам, организованным для авиаторов: «В ЦАГовском детсаду [была] огромная территория, коттеджи отдельные — для профилактики легочных заболеваний, кори, ветрянки. Если один ребенок заболел — группа на карантине, изолирована. Был душ, а летом все бегали в одних трусиках, босиком. Спали на верандах на улице, вокруг сосновый бор. В мешок тебя нянечка завяжет, так даже осенью днем все сопели»²¹.

Как травматический детский опыт остались в памяти рассказы о «нежеланных девочках»: в мужском авиаграде во всех семьях ждали рождения сыновей («родила одна девочку, а муж ее хотел мальчика, сказал: я ее не возьму, он даже не пришел [к ней в роддом]») ²². Те, кто родился в Жуковском и провел там детство в 1960-е, с раздражением говорят о современной молодежи, страдающей

от послеродовой депрессии. О каких депрессиях полвека назад можно было вести речь, когда во многих «обычных семьях» могло не оказаться достаточного числа пар обуви, зимней одежды («всем не хватало, поэтому, когда один идет в школу, второй должен сидеть дома и ждать»²³)? Социальное расслоение, осязаемое по рассказам женщин из внеаучной среды, оставило след в их памяти («люди и дети, проживающие, как им казалось, в этом дворе, — они очень ревностно относились к тому, что чужие пришли к ним»²⁴; дети же, выросшие в сталинках, ничего про неравенство не вспоминали).

Конечно, на женскую повседневность в Жуковском накладывалось отсутствие привычной для множества городов помощи старшего поколения: молодые сотрудники ЦАГИ и ЛИИ были часто не местными, помочь им было некому, все ложилось на плечи молодых семей, а в них — на женщин. Именно поэтому в Жуковском (в отличие от Дубны, Академгородка под Новосибирском и других наукоградов) младенцев принимали в ясли с двух месяцев, работали детские сады-шестидневки: «Шесть дней люди работали, а на седьмой отдыхали. Для малообеспеченных или аспирантов: детей некуда девать, много приезжих, бабушки-дедушки далеко. Но когда на работу в ЦАГИ отбирали — мы гордились, что наши родители там трудились»²⁵. Взаимопомощь семей была безусловной: «Молоко свернулось, беги к соседям: ребенок маленький и у нас, и у них»²⁶.

Воспоминания проведенных детства в Жуковском — это воспоминания научных ценителей то, что имели, — отдельные квартиры, ответственных воспитателей и учителей²⁷: «Учительница шла по домам, смотрела квартиры, условия жизни, с родителями знакомилась, учила нас дружить, любить, помогать»²⁸. Выросшие в хрущевках, а не в элитных сталинках, современные жуковчанки демонстрируют отсутствие зависти и желания сравнить свое детство с детством обеспеченной части жителей: «В школе мы были равные; чтоб учитель сделал акцент, мол, у этого папа летчик, а у того мама прачка — никогда; элиты не было»²⁹. Особое социальное чувство, характерное для рожденных в годы оттепели, связано с их рациональной и эмоциональной ориентированностью на очевидно идеализируемый и ушедший в прошлое общественный порядок: «Куда только с учительницей ни ездили — бассейн на Кропоткинской! Копеечные были билеты в театр — мы были на всех премьерах. С нами много занимались, школы работали допоздна: кружки танцевальные, вязальные, химический, [позже] английский клуб, клуб дружбы — переписывались с немцами, англичанами»³⁰.

Необычным — по сравнению даже со столичными школами того времени — было желание учительниц дать девочкам такие обыденные навыки, которые позволили бы им в будущем не искать опоры в мужском плече, а все делать самим: девочек учили чинить швейную машину, электроплиту. «Нас учили, потому что много мужчин погибло, у многих не было отцов; девочки все умели, сами делали металлические совки для мусора, умели и на станках, и лобзиками выпиливать»³¹. Повседневность школьниц повторяла повседневность их мам, но в ней в оттепельное время прочно поселилась любовь к спорту («мы просили: дяденьки, разрешите нам попрыгать [на батуте], нам не отказывали»³²).

Радость от наличия спортивных снарядов в городке дополнялась полным отсутствием желания выйти замуж за летчика: все не раз были свидетелями их похорон после неудачных испытаний. К грохоту, шуму аэродинамической трубы привыкли за долгие годы, а к этим смертям — нет³³.

Коттедж как поощрение за научный вклад

Именитых ученых, имевших столичные квартиры и высокий статус в научных учреждениях столицы, нелегко было сподвигнуть на переезд в находящийся в полусотне километров от Москвы Жуковский. Жилищный фонд городка располагал квартирами для руководства институтов и семей академиков в построенных до войны сталинках, где 100-метровые квартиры из пяти комнат должны были достойно заменить московские. Однако расчет был напрасным; жены и семьи ученых за город не ехали.

В конце 1940-х — начале 1950-х годов территория ЦАГИ стала расширяться в сторону леса, и тогда застройку дополнили малоэтажным районом коттеджей с садовыми участками. Получение собственного дома с садом оказалось преимуществом, которое заставило часть столичных ученых сделать выбор в пользу Жуковского. Заманчивой привилегией жить в собственном домике со всеми удобствами могли воспользоваться немногие, так что район таких домов для академиков, начальников отделов и руководителей лабораторий сотрудники окрестили «Дворянским гнездом».

Каждый дом, по словам рассказчиц, утопал в зелени и имел свободную большую веранду; у академиков — в единоличном пользовании, для сотрудников с менее высокими научными званиями и должностями — общую для двух семей. Даже в первых коттеджах, которые проектировались в 1948–49 гг., жилыми были два уровня (редкость для того времени). В «крошечных садиках» перед коттеджами жены академиков и профессоров сажали цветы и ягодные кусты³⁴. Руководители закрытых НИИ полагали, что творцам нужна достойная среда, и индивидуальные коттеджи были символом уважения к ученым, благодарным за исключительные условия, созданные для них.

Заселение коттеджного квартала началось в 1948 г. Одному из первых ордер дали академику-механику, главному идеологу советской космической программы М. В. Келдышу, он сразу уступил жилье сестре — Л. В. Келдыш³⁵, профессору математики, матери пятерых детей, готовой вместе с мужем и детьми сменить место работы с Москвы на Жуковский. Въехав в собственный дом, она никогда не кичилась этим, детей воспитывала в строгости («должны быть опрятно одеты и накормлены, но без всяких излишеств»)³⁶. В доме было все очень аккуратно; как и в других коттеджах, любого пришедшего принято было приглашать к совместной трапезе. «На столе появлялись вкусные кушанья домашнего приготовления»; однако, по воспоминаниям, молодежь «не слишком-то знала правила хорошего тона», предпочитая «рубленую селедку пирожкам с рисом и капустой, которые и дома могли поесть»³⁷.

«Дворянское гнездо» не отличалось снабжением «для своих». Обитательницы отдельных домов ходили по тем же улицам в те же магазины, что

и рядовые сотрудницы лабораторий, посещали те же концерты, гостевали друг у друга. «Все в этих домах было обычным. Те же блюда на столах, что и у нас дома. Все приветливы, дружны. Вот только комнаты тесноваты, я бы там жить не хотела»³⁸, — признавалась жительница многоквартирного дома. Иными словами, условия жизни жительниц коттеджей были типовыми, советскими. Даже наличие гостиной с камином и отдельной комнатой-кабинетом с письменным столом (атрибутом жизни любого ученого) не меняло картины классической советской женской повседневности — с готовками, уборками, стирками, заботой о детях. О наличии помощниц, прислуги в домах научной элиты в годы оттепели данных нет.

«Кримплен и туфли из Италии»: женские воспоминания о вестиментарных практиках 1960-х

Взаимосвязь эстетических, гигиенических и идеологических норм определенного времени всегда очевидна в тривиальных практиках, касающихся каждодневного гардероба. На теме одежды и моды часто останавливаются в своих воспоминаниях о прошлом многие рассказчицы; о возможности красиво одеться с удовольствием говорили жительницы многих советских наукоградов (как «купили впервые сапоги на молнии, ухватили нейлоновую кофточку...»)³⁹.

Отличительная особенность женской повседневности авиаграда — предпочтение женщин носить безусловно модное, основанное на быстро совершенствовавшемся уровне обеспечения одеждой, обувью, косметикой (по сравнению с жительницами таких же новых, но рабочих городов). Иллюстрация тому — домашние фотоархивы, в частности фотографии 1950–60-х годов из семейного архива потомственной жуковчанки С. Ю. Бирзак⁴⁰. Снимки напомнили известный отрывок («домашняя вечеринка») из фильма М. Хуциева «Июльский дождь»: все девушки на домашних фото в модных остроносых туфлях с тонкими каблучками, капроновых чулках или, возможно, недешевых импортных колготках, платьях из модного кримплена (позже отвергнутого как вызывающего потливость)⁴¹. Жуковчанки охотно вспомнили «легендарный», по их словам, магазин одежды по адресу: ул. Маяковского, 20, где в 1960-е продавалась обувь «из капстран» (редкость даже для столицы): «Ах, какой был 20-й! Обувь стояла — Италия, Англия, Франция. Отец купил туфли мне за 40 рублей итальянские, когда я в 10-м классе я училась» (в 1963 г.)⁴².

В то же время большинство женщин в те годы умели кроить, обшивали себя и детей в удовольствие. Яркие эпизоды совмещения досуга, творчества и утилитарности остались в памяти как искусство, которому научили дочерей мамы и советская школа: «Мама любила шить, сшила нам платья снежинок в детском саду, а в тихушку от папы на каждый Новый год шила себе красивое длинное вечернее платье до пола. И нам — платья! Папа обалдевал, за два часа платье сшить!»; «Ткани были качественные. Мы одевались очень хорошо, не было одинаковой одежды»; «Мама, как сошьет новое платье, специально ходила через рынок на Театралке: показать!»⁴³).

О том, как одевали в Жуковском детей, респондентки были готовы рассказывать часами: каждая сызмальства владела искусством создавать самим неповторимую одежду: «Школьная форма девочек была из стопроцентной шерсти, никакой синтетики, фартучки батистовые или сатиновые. Обувь на кожаной подошве была очень ноская. Сандалии — песня! Легкие, невесомые, мамы немножко хитрили: когда они становились малы — обрезали ремешки! Вот у тебя и шлепанцы». Различия во внешнем облике между сотрудницами институтов, женами академиков или летчиков и работницами сферы обслуживания были незаметны. Культурная атмосфера города не позволяла женщинам выходить на улицу непричесанными, в не глаженной или грязной одежде, многие подчеркивают: «Все были равны, у всех девчонок — войлочные сапожки, у всех костюмы лыжные с начесом, теплые, дешевые. Но [улыбнулась] были мы какие-то все одинаковые!»⁴⁴

В самом закрытом из наукоградов, где не было институтов или кафедр гуманитарного профиля, где женщины мало общались с внешним миром, возможность самовыражения через самостоятельно сшитую одежду была значимой. Нынешняя память о том, что носилось, в чем фотографировались, и сейчас, думается, подпитывается прежним незримым соревнованием между женщинами. Все они, вне зависимости от социального слоя, хотели выделиться из общей массы, оказаться замеченными в «мужском» городе авиаторов — физиков, конструкторов, военных.

Женщины в культурном пространстве Жуковского

Культурная жизнь в довоенном Стаханово, а после войны в Жуковском, всегда была яркой. Даже в отдаленных частях городка (Ильинке) с начала 1950-х работал клуб «Луч», в котором крутили кино и выступали столичные артисты⁴⁵. Все рассказчицы настаивали на том, что их город был оазисом особой культуры. Не похожий на рабочие поселки и города (соседние Раменское, Ильинское, Люберцы и т. п.), Жуковский аккумулировал интеллектуалов, носителей профессионального менталитета, отличавшихся высокими культурными запросами. Рассказчицы утверждают, что в городе невозможно было услышать ненормативной лексики, в магазинах, на почте чувствовались уступчивость и вежливость, особенно в отношении женщин, и это прививалось со школы.

Для всех живущих в городе ЦАГИ был эпицентром обсуждения новостей и сохранения духовных традиций, которые всегда были присущи российской научной интеллигенции (Дом ученых, правда, открылся там лишь в годы перестройки, но мест для оживленного общения всегда было много)⁴⁶. Гастроли именитых деятелей искусства, литературы, науки, театра были обыденностью — благодаря неавтоимости как раз женской части населения города, работницам клубов, Дворца культуры (открыт в 1958 г.). «Все ведущие артисты у нас были: Пугачева, Магомаев. Вся элита у нас. Светлана Виноградова “Музыкальные пятницы” вела, — люди на люстре сидели, слушали. Нас со школы приглашали на концерты. Образцова приезжала»⁴⁷, — вспоминали старожилки. В городе в начале 1960-х бывали В. Высоцкий, популярные певицы Л. Мондрус

и М. Кристалинская. Слушать их было привилегией этих особых новых городов страны, притягивавших творческую и интеллектуальную элиту⁴⁸. Особая духовная среда, рожденная этой привилегией, способствовала интеллектуальному и культурному взрослению детей, которых воспитывали женщины Жуковского («Мама научилась играть, ей хотелось, чтобы и мы научились с сестрой, так я полюбила музыку»). Домашние семейные праздники (если судить по семейным фотоархивам), как и официальные советские, собирали типичные для того времени большие шумные компании, в которых сходу придумывались конкурсы, викторины; общими были и песни — они пелись под гитару, и главной для всех была общая атмосфера единения: «На Новый год (дом был ведомственный, соседи жили дружно) всем подъездом собирались — то в одну квартиру, то в другую. У одних аккордеон, а я — на пианино, ставили спектакли даже»⁴⁹.

Досуг в советских академических городках был разнообразнее, чем в городках рабочих; это подтвердилось на материалах пригорода Новосибирска и подмосковной Дубны. В рабочих районах уставшие от трудовой недели женщины проводили выходные в бытовых заботах, зачастую просто отсыпались. В наукоградах же, в частности в Жуковском, женщины с детьми и мужьями устремлялись в свободное время на выставки и в театры Москвы, могли уехать и в Ленинград. Для всех семей без различия в социальном статусе типичным было увлечение любительским спортом. Зимой вставали на коньки, на лыжи, летом устремлялись на соседние водоемы (в Кратово, Котельники и т. д.). «Мама всегда с нами на рыбалке была. У нас была надувная лодка самодельная (бабушка на военном заводе работала, приносила оттуда материал). Нам ее ставили вверх дном, если дождь шел, мы там с сестрой сидели. А мама с папой ловили рыбу под дождем. Даже у нас, у детей, были свои ножички, мы чистили рыбу сами»⁵⁰.

Культурное пространство Жуковского — та часть образцовой повседневности, которая отличала быт жительниц наукограда от быта старожилок рабочих городов. Относительная либерализация общественной жизни, элитарная культурная программа (тот же В. Высоцкий, не доступный для многих в 1970-е), близость к Москве и одновременно дистанцированность от ее консерватизма — все это создавало уникальные условия культурной составляющей женской повседневности авиаграда.

Женская память о повседневном как источник социального оптимизма

Анализ биографических интервью и дополнение создаваемой ими эмоциональной картины жизни женщин в нестоличном городе в годы хрущевской оттепели заставляют вновь ставить вопрос о процессе превращения памяти о пережитом в «ностальгию по советскому», или «совноста́льгию», которую А. А. Вознесенский в свое время очень точно охарактеризовал: «Не по прошлому ностальгия, ностальгия по настоящему»⁵¹. И речь в словах поэта не о настоящем времени, а о настоящей коллегиальности, настоящей взаимовыручке,

настоящей готовности переживать трудности вместе и вместе радоваться достигнутому, новой жизни.

Неслучайно авторы концепции истории повседневности француз Мишель де Серто и немецкий историк Альф Людке ставили перед аналитиками задачу перенести центр тяжести в изучении быта прошлого на восприятие процессов обычными, «маленькими» людьми⁵² (не авторами нормативных документов, не составителями статистических отчетов), в нашем случае еще и более социально незаметными в своих запросах и тревогах людьми «второго пола» — женщинами. Собирая их рассказы о жизни, мы получили материал к исследованию социальных и культурных практик тех, для кого на первом месте в жизни были обыденность (накормить, одеть, воспитать здоровыми, выстроить обычные отношения) и их личный жизненный опыт, позволявший через повторение самого тривиального взрослеть, осваивать мир, освобождаться от сомнений, утверждая собственную самость и авторитет.

Автор еще одного концептуально важного подхода — немецкий историк Юрген Кокка; он предполагает обнаружение «полиморфной синхронности» в социальной жизни: когда люди одной социальной группы не только имеют взаимные интересы и действуют сообща, но и живут с противоречивыми установками, конкурируют друг с другом⁵³.

Показывая, что в Жуковском было две женских повседневности — иногда совпадавших, а иногда (в силу социального расслоения, которое не подчеркивалось, но существовало) расходившихся друг с другом, — мы можем размышлять о следствиях социальной политики на микроуровне, где пересекались общественные и частные задачи и интересы, но наблюдаем и выход на макроуровень, на котором соединяются кратковременные и долговременные исторические циклы в жизни общества, переживания обыденных радостей конкретного дня (оставившего след на долгие годы) и задачи строительства нового общества с новыми городами и новыми возможностями для людей в них.

Сегодня для свидетельниц того времени повседневность тех лет (потеряв налет негативности, рожденной феноменами советской действительности, — дефицитом, блатом, кумовством, «железным занавесом») превратилась в концепт, сконструированный личным опытом и массовой культурой, его они и транслируют в своих воспоминаниях об обыденном. В нем генерализировано и слито *индивидуальное* (вера в себя, типичная для молодости, память о любви и дружбе, умение получать радость от мелочей) и *коллективное* (свет социальных надежд, витавших в атмосфере тех лет, внушенная СМИ стабильность экономического роста и улучшения жизни, братства в социальных отношениях, «уверенность в завтрашнем дне», тема справедливости в произведениях литературы и кино). Слушая рассказчиц, аналитик может понять, как эти женщины полвека и более тому назад в своих представлениях и практиках трансформировали спущенные сверху установления и схемы с целью более комфортного личного существования (М. де Серто называл это «тактикой», а А. Людке — «своеволием»).

Поскольку повседневность других новых городов уже анализировалась нами ранее⁵⁴, мы имели возможность сопоставить быт наукоградов с обыденной

жизнью остальной части женского населения Советского Союза. Во всех наукоградах общей чертой повседневных практик было наличие субстрата, рождавшего социальный оптимизм: корпоративная профессиональная культура, облегчавшая единение, специальное снабжение (с которым быт был легче), относительно либеральная атмосфера общественной и культурной жизни, рождавшая в том числе специфику внутрисемейных и межсемейных отношений. Жуковский в этом плане необычен разве что небольшим перевесом мужского населения, большей закрытостью от внешнего мира, большим числом военных. Память о повседневной жизни жуковчанок в 1950–60-е годы — еще одно подтверждение слитости индивидуального с коллективным и их перетекания друг в друга. Существовала витринная сторона жизни ранее секретного, а в 60-е годы просто военного городка с хорошим снабжением, интеллектуальным отношением к досугу, быту и воспитанию детей, образцовой и нетривиальной модой, множеством культурных мероприятий. Вместе с тем женская память дает возможность сохранить при реконструкции прошлого детали советского непарадного рабочего и хозяйственного быта, который из «высокой» и романтизированной авиации опускал живших в городке в унифицированное, стандартное, аскетичное. Настолько аскетичное, что сквозь призму прошедших десятилетий даже бывшие предметом зависти на тот момент просторные коттеджи академиков ныне кажутся тесными.

Женская повседневность авиаграда в 1950–60-е годы в преломлении индивидуальной памяти, похоже, была уникальной, что подтверждает верность нашей рабочей гипотезы. Приверженность к корпоративной культуре авиационной отрасли — героям-летчикам, ученым-авиаконструкторам — наложила отпечаток на общий тон идеологизации повседневной жизни и в коллективной, и в индивидуальной памяти.

Авиаград подарил лучшие условия жизни и быта. В чем-то они были схожи с московскими, но вместе с тем для уставших от войны и претендовавших на счастье женщин, стремившихся во что бы то ни стало сделать своих детей чуть более счастливыми, он позволил создавать там такую наполненную атмосферой простоты и в то же время обеспеченности «обычную жизнь», что многие рассказчицы мечтали бы сегодня вернуться в нее.

¹ См. об этом: *Шмидт С.О.* Предпосылки «устной истории» в историографической культуре России // Реализм исторического мышления. М., 1991. С. 262.

² См., напр.: *Пушкарева Н.Л.* Устная история и гендерная история: перспективы сближения и развития // Постклассические гендерные исследования / отв. ред. Н.Х. Орлова. СПб., 2011. С. 88–108.

³ См. подробнее: *Loprinzi P., Frith E.* The role of sex in memory function: Considerations and recommendations in the context of exercise // *Journal of Clinical Medicine*. 2018. No. 7 (6). P. 132. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC6028920> (дата обращения: 15.07.2024).

⁴ См. подробнее: *Skowronski J.J.* Social memory in everyday life // *Journal of personality & social psychology*. 1991. Vol. 60. P. 831–843; *Davis P.J.* Gender differences in autobiographical memory for childhood emotional experiences // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1999. Vol. 76 (3). P. 498–510; *Herlitz A., Yonker J.E.* Sex differences in episodic memory // *Journal of Clinical and Experimental Neuropsychology*. 2002. Vol. 24 (1). P. 107–114.

- ⁵ См., напр.: *Труфанова Е. О.* Индивидуальная и коллективная память: точки пересечения // Вопросы философии. 2020. № 6. С. 18–22.
- ⁶ *Луковцева Т. А.* Оттепель // Большая российская энциклопедия в 35 т. Т. 24 (Океанариум — Оясио). М., 2014. С. 691.
- ⁷ Жуковский. Фильм о городе. 1973. Документальный фильм. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Uq8EiqipbI> (дата обращения: 09.07.2024).
- ⁸ *Черниговский Д.* Подмосковный Версаль авиационной науки. Ч. 4 // Livejournal. 2019. URL: <https://dm-chernigovsky.livejournal.com/445.html> (дата обращения: 09.07.2024).
- ⁹ Всесоюзная перепись населения 1970 г. // Демоскоп Weekly. 2023. 17–30 янв. № 971–972.
- ¹⁰ См. об этом: *Черниговский Д.* Подмосковный Версаль... Ч. 2 // Livejournal. 2019. URL: <https://dm-chernigovsky.livejournal.com/1269.html> (дата обращения: 09.07.2024).
- ¹¹ Памяти моей мамы, Валентины Яковлевны Белостоцкой // Жуковские вести. 10.08.2020. URL: <https://www.zhukvesti.ru/articles/detail/23705/> (дата обращения: 09.07.2024).
- ¹² *Старцев В.* Как начинался город авиации // Жуковские вести. 07.11.2019. URL: <https://www.zhukvesti.ru/articles/detail/11788/> (дата обращения: 09.07.2024).
- ¹³ Н. И., 1947 г. р., из семьи авиаконструктора и медсестры // Авторский архив (АА). 16.12.2022.
- ¹⁴ *Черниговский Д.* Подмосковный Версаль... Ч. 1. // Livejournal. 23 декабря 2019. URL: <https://dm-chernigovsky.livejournal.com/812.html> (дата обращения: 28.01.2023); *Черниговский Д.* Подмосковный Версаль... Ч. 2. // Livejournal. 23 декабря 2019. URL: <https://dm-chernigovsky.livejournal.com/1269.html> (дата обращения: 28.01.2023).
- ¹⁵ Е. К., 1956 г. р. // АА. 14.12.2022.
- ¹⁶ Муравьева Е. К., 1952 г. р., из семьи военных // АА. 16.12.2022.
- ¹⁷ Е. С., 1955 г. р., из семьи сотрудников ЦАГИ // АА. 15.12.2022.
- ¹⁸ Н. И., 1947 г. р., из семьи авиаконструктора и медсестры // АА. 16.12.2022.
- ¹⁹ Анонимные воспоминания, 195(?) г. р., из семьи сотрудников ЛИИ // АА. 14.12.2022; Е. С., 1955 г. р., из семьи сотрудников ЦАГИ // АА. 15.12.2022.
- ²⁰ Аноним, женщина, 195(?) г. р. из семьи сотрудников ЛИИ // АА. 14.12.2022.
- ²¹ Коновалова В. С., 1951 г. р., из семьи сотрудников ЦАГИ // АА. 16.12.2022.
- ²² Аноним, женщина, 1945 г. р., из семьи рабочих // АА. 17.12.2022.
- ²³ Косарева Елена Николаевна (1973). Москва. Семья в Жуковском. Детство мамы. Переезд семьи из барачных домов // Народная история России. Общедоступный портал устных историй о городах России. URL: <https://pastandnow.ru/ken-001-01> (дата обращения: 09.07.2024).
- ²⁴ Н. И., 1947 г. р., из семьи авиаконструктора и медсестры // АА. 16.12.2022.
- ²⁵ Коновалова В. С., 1951 г. р., из семьи сотрудников ЦАГИ // АА. 16.12.2022.
- ²⁶ Е. В., 1956 г. р. // АА. 17.11.2022.
- ²⁷ Н. В., 1954 г. р. // АА. 11.11.2022.
- ²⁸ Н. И., 1947 г. р., из семьи авиаконструктора и медсестры // АА. 16.12.2022.
- ²⁹ Там же.
- ³⁰ Ремизова А. В., 1949 г. р., из семьи сотрудников ЛИИ // АА. 15.12.2022.
- ³¹ Н. И., 1947 г. р., из семьи авиаконструктора и медсестры // АА. 16.12.2022.
- ³² Там же.
- ³³ Аноним, женщина, 1953 г. р., из семьи работников НИОП // АА. 14.12.2022.
- ³⁴ *Черниговский Д.* Подмосковный Версаль... Ч. 2. // Livejournal. 23 декабря 2019. URL: <https://dm-chernigovsky.livejournal.com/1269.html> (дата обращения: 28.01.2023).
- ³⁵ Дворянское гнездо в центре соцгорода. URL: <https://zhukovskiy.ru/дворянское-гнездо-в-центре-соцгорода/> (дата обращения: 09.07.2024).
- ³⁶ Женщина-математик с фамилией, известной каждому жителю СССР // Математика не для всех. 2022. URL: <https://dzen.ru/a/YeaEBlzBCmTAGdQb> (дата обращения: 13.07.2024).
- ³⁷ *Гай Д.* Небесное притяжение. М., 1984. С. 75–77.
- ³⁸ Бирзак С. Ю., из семьи служащих // АА. 14.01.2022.
- ³⁹ Н. П., интервью // АА. 15.01.2023.
- ⁴⁰ Бирзак С. Ю., семейный архив. 13.01.2023.

- ⁴¹ Н. П., интервью // АА. 15.01.2023.
- ⁴² Н. И., 1947 г. р., из семьи авиаконструктора и медсестры // АА. 16.12.2022.
- ⁴³ Бирзак С. Ю., из семьи служащих // АА. 14.01.2022; Е. К., 1956 г. р. // АА. 14.12.2022.
- ⁴⁴ Н. И., 1947 г. р., из семьи авиаконструктора и медсестры // АА. 16.12.2022.
- ⁴⁵ Авиаград Жуковский // ВКонтакте. URL: https://vk.com/wall-65532872_25170 (дата обращения: 13.07.2024).
- ⁴⁶ О Доме ученых // Дом ученых ЦАГИ. URL: <http://duts.tsagi.ru/about/> (дата обращения: 09.07.2024).
- ⁴⁷ Н. И., 1947 г. р., из семьи авиаконструктора и медсестры // АА. 16.12.2022.
- ⁴⁸ Устинова Т. Здесь был наукоград // Огонек. 2013. 25 марта.
- ⁴⁹ Муравьева Е. К., 1952 г. р., из семьи военных // АА. 16.12.2022.
- ⁵⁰ Бирзак С. Ю., из семьи служащих // АА. 14.01.2022.
- ⁵¹ Вознесенский А. А. Витражных дел мастер. М., 1976. URL: <https://rustih.ru/andrej-voznensenskij-nostalgiya-po-nastoyashhemu/> (дата обращения: 15.07.2024).
- ⁵² Certeau M. de. L'Invention du Quotidien. Vol. 1: Arts de Faire. Paris, 1980; Lüdtkе A. The history of everyday life: Reconstructing historical experiences and ways of life / ed. by A. Lüdtkе. Princeton, 1995; Людке А.: 1) Что такое история повседневности? Ее достижения и перспективы в Германии // Социальная история. Ежегодник. 1998/1999 / ред. К. М. Адерсон, Л. И. Бородкин. М., 1999. С. 77–100; 2) История повседневности в Германии: новые подходы к изучению труда, войны и власти / пер. с нем и англ. М., 2010.
- ⁵³ Kocka J. Sozialgeschichte im Zeitalter der Globalisierung // Merkur. Stuttgart, 2006. Jg. 60, N. 4. S. 305–316.
- ⁵⁴ Пушкарева Н. Л., Жидченко А. В., Богдашина И. В. «Колесо обозрения»: женская социальная память о жизни поселка гидростроителей // Filo Ariadne. 2023. № 2 (28). С. 80–87.

Статья поступила в редакцию 20 июня 2023 г.

Рекомендована к печати 27 декабря 2023 г.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Пушкарева Н. Л., Жидченко А. В. Женское лицо авиаграда: память о повседневной жизни жительниц Жуковского в годы оттепели // Новейшая история России. 2024. Т. 14, № 2. С. 468–482. <https://doi.org/10.21638/spbu24.2024.213>

Аннотация. Женская история подмосковного поселения, ставшего городом Жуковский, реконструирована авторами на основе устных рассказов, публикаций мемуаров и иных эгодокументов. Цель анализа — дешифровка особенностей восприятия и интерпретации сообществом жителей городка реальностей повседневности как пространства адаптивного поведения. Размышления над секвенциями опубликованных воспоминаний и собранных авторами неструктурированных биографий старожилков Жуковского выявили особые конstellации коллективной и индивидуальной памяти, типичные для наукоградов (в частности, авиаграда). С одной стороны, высокий удельный вес корпоративной культуры, наличие спецснабжения, облегчавшего быт, либеральной атмосферы культурной жизни конструировали основу социального оптимизма, рожденного более полувека назад и переданного детям и даже внукам. С другой стороны, город авиаторов был частью советской общественной и экономической модели, и «обычным» женщинам (не женам конструкторов или крупных ученых) пришлось испытать немалые трудности, подчас неотрефлексированные в памяти (это и долгая жизнь в бараках, и гендерное неравенство в трудовых отношениях и зарплате, и общая тяжесть женского быта, характерного для советских условий, и т. п.), наложившие отпечаток и несколько скорректировавшие дискурс «совностальгии», типичный для жителей советских наукоградов. Память о повседневной жизни жуковчанок в 1950–60-е годы подтверждает слитость индивидуального с коллективным и их перетекание друг в друга. Приверженность корпоративной культуре авиационной отрасли — героям-летчикам, ученым-авиаконструкторам — наложила отпечаток на общий тон идеологизации повседневной жизни и в коллективной, и в индивидуальной памяти.

Ключевые слова: женская память, гендер, город, наукоград, быт, история повседневности.

Сведения об авторах: Пушкарева Н. Л. — д-р ист. наук, гл. науч. сотр., Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН (Москва, Россия); pushkarev@mail.ru | Жидченко А. В. — канд. ист. наук, ст. науч. сотр., Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН (Москва, Россия); travel822@yandex.ru

Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, Россия, 119334, Москва, Ленинский пр., 32а

FOR CITATION

Pushkareva N. L., Zhidchenko A. V. 'The Female Face of the Air City: The Memory of the Everyday Life of the Inhabitants of Zhukovsky During the Thaw', *Modern History of Russia*, vol. 14, no. 2, 2024, pp. 468–482. <https://doi.org/10.21638/spbu24.2024.213> (In Russian)

Abstract: The women's history of the settlement near Moscow, which became the city of Zhukovsky, is reconstructed by the authors on the basis of oral stories and publications of memoirs and other ego-documents. The purpose of the analysis is to decipher the peculiarities of perception and interpretation by the community of town residents of the realities of everyday life as a space of adaptive behavior. Reflections on the sequences of published memoirs and unstructured biographies of Zhukovsky's old-timers collected by the authors revealed special constellations of collective and individual memory, typical of science cities (in particular, an air city). On the one hand, the high proportion of corporate culture, the presence of special supplies that made life easier, the liberal atmosphere of cultural life, designed the basis of social optimism, born half a century or more ago and passed on to children and even a generation later to grandchildren. On the other hand, the city of aviators was part of the Soviet social and economic model, and "ordinary" women (not the wives of designers or prominent scientists) had to experience considerable difficulties, sometimes not reflected in memory (this is a long life in the barracks, and gender inequality in labor relations and salaries, and the general severity of women's life, characteristic of Soviet conditions, etc.), which left their mark and somewhat corrected the discourse of "sovnostalgia" typical of residents of Soviet science cities. Memory of everyday life of Zhukovsky women in the 1950s–60s. becomes a confirmation of the fusion and flow of the individual with the collective.

Keywords: women's memory, gender, city, science city, way of life, history of everyday life.

The research was funded by the Russian Science Foundation project no. 24-18-00212 "Women's family memory in Russia in the 18th–21st centuries: Forms of transmission, dynamics of transformation, social mission".

Authors: Pushkareva N. L. — Dr. Sci. in History, Chief Researcher, N. N. Miklukho-Maclay Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia); pushkarev@mail.ru | Zhidchenko A. V. — PhD in History, Senior Researcher, N. N. Miklukho-Maclay Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia); travel822@yandex.ru

N. N. Miklukho-Maclay Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, 32A, Leninsky pr., Moscow, 119334, Russia

References:

- Belova A. V. 'Women's everyday life as a subject of the history of everyday life', *Rossiiskaia povsednevnost' v zerkale gendernykh otnoshenii*, pp. 25–67 (Moscow, 2013). (In Russian)
- Certeau M. de. *L'Invention du Quotidien*, vol. 1: Arts de Faire (Paris, 1980).
- Davis P. J. 'Gender differences in autobiographical memory for childhood emotional experiences', *Journal of Personality and Social Psychology*, vol. 76, 1999, pp. 498–510.
- Herlitz A., Yonker J. E. 'Sex differences in episodic memory', *Journal of Clinical and Experimental Neuropsychology*, no. 24, 2002, pp. 107–114.
- Kocka J. 'Sozialgeschichte im Zeitalter der Globalisierung', *Merkur*, Jg. 60, H. 4, S. 305–316 (Stuttgart, 2006).

- Loprinzi P., Frith E. 'The role of sex in memory function: Considerations and recommendations in the context of exercise', *Journal of Clinical Medicine*, no. 7 (6), 2018, 132. Available at: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC6028920> (accessed: 15.07.2024).
- Lukovtseva T. A. "'Ottepel'", *Bol'shaia rossiiskaia entsiklopediia*, in 35 vols, vol. 24, p. 691 (Moscow, 2014). (In Russian)
- Lyudke A. 'What is the history of everyday life? Its' achievements and prospects in Germany', *Sotsial'naia istoriia. Ezhegodnik. 1998/1999*, pp. 77–100 (Moscow, 1999). (In Russian)
- Lyudke A. *History of everyday life in Germany: New approaches to the study of work, war and power* (Moscow, 2010). (Rus. ed.)
- Pushkareva N. L. 'Oral history and gender history: Prospects for convergence and development', *Postklassicheskie gendernye issledovaniia*, pp. 88–108 (St. Petersburg, 2011). (In Russian)
- Pushkareva N. L. 'The history of everyday life: Subject and methods', *Sotsial'naia istoriia. Ezhegodnik. 2007*, pp. 9–54 (Moscow, 2008). (In Russian)
- Pushkareva N. L., Belov S. I., Zhidchenko A. V. "'Taiga Leningradki": The daily life of Angarsk residents in the 1950s and 60s', *Voprosy istorii*, no. 3, 2022, pp. 95–104. (In Russian)
- Pushkareva N. L., Zhidchenko A. V. "'Everything was given with great difficulty and in any weather": Women's memory of everyday disorder in the post-war new Soviet city of the 1950s', *Via in tempore*, vol. 49, 2022, pp. 425–432. (In Russian)
- Pushkareva N. L., Zhidchenko A. V., Bogdashina I. V. "'Ferris wheel": Women's social memory of the life of the hydraulic construction village', *Filo Ariadne*, no. 2 (28), 2023, pp. 80–87.
- Schmidt S. O. 'Prerequisites for "oral history" in the historiographical culture of Russia', *Realizm istoricheskogo myshleniia*, pp. 262–263 (Moscow, 1991). (In Russian)
- Skowronski J. J. 'Social memory in everyday life', *Journal of personality & social psychology*, vol. 60, 1991, pp. 831–843.
- The history of everyday life: Reconstructing historical experiences and ways of life*, ed. by A. Lüdtké (Princeton, 1995).
- Trufanova E. O. 'Individual and collective memory: Points of intersection', *Voprosy filosofii*, no. 6, 2020, pp. 18–22. (In Russian)

Received: June 20, 2023

Accepted: December 27, 2023